

БИТВА КОРОЛЕЙ

GEORGE MARTIN
A CLASH OF KINGS

ILLUSTRATED BY
RICHARD HESCOX

ДЖОРДЖ МАРТИН
БИТВА КОРОЛЕЙ

ЧАСТЬ II

ХУДОЖНИК
РИЧАРД ХЕСКОКС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М29

George R.R. Martin
A Clash of Kings. Volume Two

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg Associates

Мартин, Джордж Р.Р.

М29 Битва королей. Часть II: [роман] / Джордж Р.Р. Мартин;
[пер. с англ. Н.И. Виленской]. – Москва: Издательство АСТ,
2016. – 528 с.

ISBN 978-5-17-093984-8

Король умер, да здравствует король! Да, но какой из королей? Кто воссядет на Железный трон после смерти Роберта Баратеона? Кто поддержит его в борьбе с претендентами? И на что он готов, чтобы победить в этой борьбе?

Вторая часть саги Джорджа Мартина проиллюстрирована ветераном фантастической живописи, известным американским художником Ричардом Хескоксом.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093984-8

Copyright © George R.R. Martin, 1999
All artwork Copyright © Richard Hescox, 2014. All Rights Reserved
© Н.И. Виленская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

КЕЙТИЛИН

Когда они нашли нужную деревню, уже совсем стемнело.

Кейтилин не знала даже, как называется это место, — бежавшие жители унесли эту тайну вместе со всем своим скарбом, даже свечи из септы забрали. Сир Вендел зажег факел и ввел Кейтилин в низкую дверь.

Семь стен внутри растрескались и покосились. «Бог есть един в семи лицах, — учил ее септон Осминд, когда она была девочкой, — как септа есть единое здание с семью стенами». В богатых городских септах каждый из Семерых имел свою статую и свой алтарь, в Винтерфелле септон Шейли повесил на каждой стене резную маску, но здесь Кейтилин нашла только грубые рисунки углем. Сир Вендел вставил факел в кольцо у двери и вышел, чтобы подождать снаружи с Робаром Ройсом.

Кейтилин разглядывала лица. Отец был с бородой, как всегда. Матерь улыбалась, любящая и оберегающая. Под ликом Воина был изображен меч, под лицом Кузнеца — молот, Дева была прекрасна, изборожденная морщинами Старица — мудра.

А вот и седьмой... Неведомый, не мужчина и не женщина, но оба вместе. Вечный отверженец, пришелец из дальних стран, меньше и больше, чем человек, непознан-

ный и непознаваемый. Здесь он был черным овалом, тенью со звездами вместо глаз. Кейтилин стало не по себе и подумалось, что она вряд ли найдет здесь утешение.

Она преклонила колени перед Матерью:

— Госпожа моя, взгляни на эту битву материнскими очами. Ведь все они чьи-то сыновья. Сохрани их, если можешь, и моих сыновей тоже сохрани. Не оставь Робба, Брана и Рикона и сделай так, чтобы я вновь была с ними.

Через левый глаз Матери змеилась трещина, и казалось, будто она плачет. Кейтилин слышала громовой голос сира Вендела и тихие ответы сира Робара — они говорили о предстоящей битве. Только они и нарушали тишину ночи. Где-то трещал сверчок, боги же молчали. «Хотела бы я знать, отвечали ли тебе когда-нибудь твои старые боги, Нед? Слышали ли они тебя, когда ты преклонял колени перед твоим сердце-деревом?»

Свет факела плясал на стенах, и лики богов менялись, как живые. Статуи в больших городских септах носят лица, которые им дали ваятели, но эти рисунки могли изображать кого угодно. Отец напоминал ей собственного отца, умирающего в своем Риверране. Воин был Ренли и Станнисом, Роббом и Робертом, Джейме Ланнистером и Джоном Сноу. Она даже Арью увидела в нем — правда, только на миг. Потом порыв ветра проник в дверь, факел зашипел, и струя оранжевого света унесла сходство.

Дым ел глаза, и Кейтилин протерла их своими израненными руками. Когда она снова взглянула на Мать, это была ее собственная мать. Леди Миниса Талли умерла в родах, пытаясь дать лорду Хостеру второго сына. Ребенок умер вместе с ней, а из отца ушла частица жизни. «Она всегда была такая спокойная, — думала Кейтилин, вспоминая мягкие руки матери, ее теплую улыбку. — Будь она жива, и наши жизни сложились бы совсем по-иному. Что сказала бы леди Миниса о своей старшей дочери, стоящей перед ней на коленях? Я проехала много тысяч

лиг, и все зря. Кому от этого польза? Дочерей я потеряла, Роббу я не нужна, Бран и Рикон наверняка считают меня холодной и бездушной. Меня даже с Недом не было в час его смерти».

У нее кружилась голова — а казалось, что септа кружится. Тени, словно испуганные животные, метались по растрескавшимся белым стенам. Кейтилин ничего не ела сегодня — пожалуй, это было неразумно. Она говорила себе, что осталась голодной из-за недостатка времени, но правда заключалась в том, что без Неда для нее всякая пища утратила вкус. «Отрубив ему голову, они убили и меня».

Факел снова зашипел, и на стене появилось лицо сестры, только взгляд был жестче — взгляд не Лизы, а Серсеи. Серсея тоже мать. Не важно, кто был отцом ее детей, — она чувствовала, как они шевелятся в ней, рожала их в крови и муках, качала у своей груди. Если они и правда от Джейме...

— Скажи, о Матерь, Серсея тоже молится тебе? — спросила Кейтилин.

На стене ей виделись гордые, холодные, красивые черты королевы Ланнистер. Трещина никуда не делась — даже Серсея способна плакать о своих детях. «Каждый из Семерых воплощает в себе всех остальных», — говорил септон Осминд. Старица не менее прекрасна, чем Дева, Матерь может быть свирепее Воина, когда ее дети в опасности. Да...

Глядя на Роберта Баратеона в Винтерфелле, Кейтилин видела, что король не питает к Джоффри особо теплых чувств. Будь мальчик в самом деле от Джейме, Роберт предал бы его смерти вместе с матерью, и мало кто осудил бы его. Бастарды — явление достаточно обычное, но кровосмешение — это чудовищный грех и перед старыми, и перед новыми богами, и плоды подобного союза именуются гнусными и в септе, и в богороце. У драконьих королей братья женились на сестрах, но они происходили

из старой Валирии, где это было в порядке вещей, и, подобно драконам, не отвечали ни перед богами, ни перед людьми.

«Нед, должно быть, знал это, а до него — лорд Аррен. Неудивительно, что королева убила их обоих. Разве я не сделала бы того же ради своих детей?» Кейтилин стиснула пальцы, рассеченные до кости сталью убийцы, когда она боролась за жизнь своего сына.

— Бран тоже знает, — прошептала она, опустив голову. Боги праведные, как же иначе? Он что-то видел, что-то слышал — вот почему мальчика пытались убить в его постели.

Павшая духом и усталая, Кейтилин Старк предалась своим богам. Она преклонила колени перед Кузнецом, налаживающим все, что сломано, и попросила его сохранить ее милого Брана. Перешла к Деве и попросила ее вдохнуть мужество в Арью и Сансу, оградить их невинные души. К Отцу она обратилась с молитвой о правосудии, о силе, чтобы стремиться к нему, и о мудрости, чтобы понять, когда оно совершится; к Воину — с просьбой дать Роббу сил и хранить его в сражениях. Под конец она повернулась к Старице, которую ваятели часто изображали с лампой в руке.

— Веди меня, о мудрейшая. Укажи мне путь, которым я должна следовать, и не дай споткнуться во тьме, что лежит впереди.

Тут позади нее послышались шаги, и за дверью зашумели.

— Прошу прощения, миледи, — мягко сказал сир Робар, — но наше время на исходе. До рассвета мы должны вернуться в лагерь.

Кейтилин поднялась. Колени ныли, и она многое отдала бы сейчас за мягкую перину и подушку.

— Благодарю вас, сир. Я готова.

Они молча ехали через редкие рощи, где деревья, как пьяные, клонились в сторону, противоположную морю.

Беспокойное ржание лошадей и бряцание стали указывало им дорогу к лагерю Ренли. Длинные шеренги коней и всадников в доспехах вырисовывались во мраке, словно Кузнец самую ночь перековал в сталь. Знамена тянулись и справа, и слева, и на много рядов впереди, но в предрассветной тьме не видно было ни цветов, ни эмблем. «Серая армия, — подумала Кейтилин. — Серые люди на серых конях под серыми знаменами». Теневые всадники Ренли ждали, подняв копыта вверх, и она ехала через лес с высокими нагими деревьями, лишенными листьев и жизни. Штормовой Предел казался сгустком более глубокой тьмы, черной стеной, сквозь которую не просвечивали звезды, но на поле, где разбил свой лагерь лорд Станнис, мелькали факелы.

Шелковый шатер Ренли, озаренный свечами, светился точно волшебный изумрудный фонарь. Двое радужных гвардейцев охраняли вход. Зеленый свет из шатра придавал странный оттенок лиловым сливам на камзоле сира Пармена и болезненный — подсолнухам, усеивающим желтый эмалевый панцирь сира Эммона. Длинные шелковые плюмажи украшали их шлемы, плечи окутывали радужные плащи.

Внутри шатра Бриенна одевала короля в доспехи перед боем, а лорды Тарли и Рован обсуждали с ним диспозицию и тактику. От дюжины маленьких жаровен шло приятное тепло.

— Мне нужно поговорить с вами, ваша милость, — сказала Кейтилин, назвав его вопреки обыкновению королевским титулом: что угодно, лишь бы он ее выслушал.

— Одну минуту, леди Кейтилин. — Бриенна как раз застегивала его панцирь поверх стеганого нижнего камзола. Густо-зеленые, цвета летних листьев, королевские доспехи были так темны, что поглощали пламя свечей. Инкрустации и застежки отсвечивали золотом, точно костры в лесу, мерцая при каждом движении Ренли. — Продолжайте, пожалуйста, лорд Матис.

— Я говорю, ваша милость, что наше войско уже выстроено и готово к бою, — сказал Матис Рован, покосившись на Кейтилин. — К чему ждать рассвета? Прикажите выступать.

— Чтобы все потом говорили, что я победил предательским путем, предприняв вероломную атаку? Сражение назначено на рассвете.

— Назначено Станнисом, — заметил Рендилл Тарли. — Ему-то как раз выгодно, чтобы мы наступали против восходящего солнца. Мы будем наполовину слепы.

— Только до первого удара. Сир Лорас прорвет их оборону, и все перемешается. — Бриенна затянула зеленые кожаные тесемки и застегнула золотые пряжки. — Когда мой брат погибнет, позаботьтесь, чтобы его тело не бесчестили. Он моя кровь, и я не допущу, чтобы его голову таскали на копье.

— А если он сдастся? — спросил лорд Тарли.

— Сдастся? — засмеялся лорд Рован. — Когда Мейс Тирелл осадил Штормовой Предел, Станнис ел крыс, но ворот так и не открыл.

— Как же, помню. — Ренли поднял подбородок, чтобы Бриенна могла закрепить латный воротник. — Ближе к концу сир Гавен Уайлд и трое его рыцарей попытались улизнуть через калитку, чтобы сдаться врагу. Станнис схватил их и велел выстрелить ими из катапульты. До сих пор вижу лицо Гавена, когда его привязывали. Он был у нас мастером над оружием.

— Но к нам со стен никого не сбрасывали, — удивился лорд Рован. — Я бы запомнил.

— Мейстер Крессен сказал Станнису, что нам, возможно, придется есть своих мертвецов и незачем выбрасывать хорошее мясо. — Ренли откинул волосы назад; Бриенна связала их бархатным шнуром и натянула на уши стеганный подшлемник. — Мертвых нам благодаря Луковому Рыцарю есть не пришлось, но мы были уже на грани. И сиру Гавену, умершему в темнице, грозила большая опасность.

— Ваша милость. — Кейтилин ждала терпеливо, но время было на исходе. — Вы обещали уделить мне внимание.

Ренли кивнул.

— Ступайте к войскам, милорды... и вот что: если Барристан Селми будет на стороне моего брата, я хочу, чтобы его пощадили.

— О сире Барристане ничего не было слышно с тех пор, как Джоффри его выгнал, — возразил лорд Рован.

— Я этого старика знаю. Ему непременно нужен король, которого бы он охранял, — только ради этого он и живет. Однако ко мне он не явился, и леди Кейтилин говорит, что у Робба Старка в Риверране его тоже нет. Где же еще ему быть, как не у Станниса?

— Приказ вашей милости будет исполнен. Ему не причинят вреда. — Лорды откланялись и вышли.

— Я слушаю вас, леди Старк. — Бриенна накинула плащ на широкие плечи Ренли — тяжелый, парчовый, с выложенным кусочками янтаря коронованным оленем Баратеонов.

— Ланнистеры пытались убить моего сына Брана. Я тысячу раз спрашивала себя почему, и ваш брат дал мне ответ. В тот день, когда он упал, была охота. Роберт, Нед и почти все остальные мужчины отправились травить вепря, но Джейме Ланнистер остался в Винтерфелле — и королева тоже.

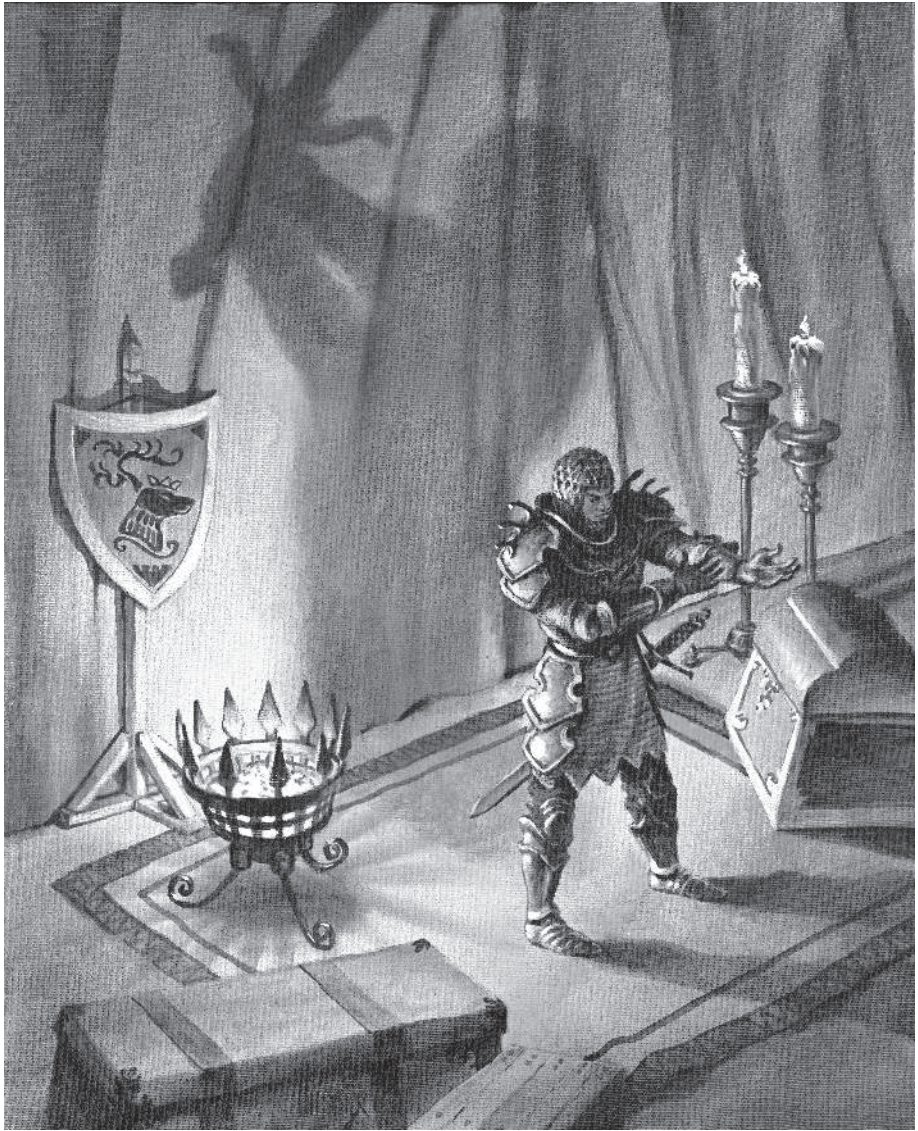
Ренли быстро смекнул, в чем дело.

— И вы полагаете, что мальчик застал их на месте преступления...

— Прошу вас, милорд, позвольте мне отправиться к вашему брату Станнису и рассказать ему о моих подозрениях.

— С какой целью?

— Робб сложит с себя корону, если вы с братом поступите так же. — Кейтилин очень на это надеялась. Она заставит его, если нужно. Робб послушает ее, даже если его лорды не послушают. — Вы втроем созовете Великий

совет, который не созывался уже целое столетие. Мы пошлем в Винтерфелл за Браном, он расскажет свою историю, и все услышат, что настоящие узурпаторы — это Ланнистеры. Пусть лорды Семи Королевств сами выберут себе правителя.

— Скажите, миледи, — засмеялся Ренли, — разве лютоволки решают большинством голосов, кто будет вожаком стаи? — Бриенна подала перчатки и шлем с золотыми оленьими рогами, которые сделают короля на полтора фута выше. — Время разговоров прошло. Настала пора решить, кто из нас сильнее. — Ренли надел расклепленную, зеленую с золотом перчатку на левую руку, а Бриенна стала на колени, чтобы застегнуть на нем пояс с мечом и кинжалом.

— Умоляю вас именем Матери... — начала Кейтилин, и тут сильный порыв ветра внезапно ворвался в дверь шатра. Ей померещилось какое-то движение — но нет, это только тень короля перемещалась по шелковым стенам. Ренли шутливо сказал что-то, и его тень, черная на зеленом, подняла меч. Огоньки свечей колебались, мигали, что-то было не так — и Кейтилин вдруг поняла что: меч короля оставался в ножнах, в то время как теневой меч...

— Холодно, — тихо и удивленно промолвил Ренли, а миг спустя его стальной латный ворот лопнул, как сырная корка, под напором теневого клинка. Ренли едва успел ахнуть, прежде чем кровь хлынула у него из горла.

— Ваше вел... нет! — закричала Бриенна Синяя, перепугавшись, как маленькая девочка. Король упал ей на руки, и кровь залила его доспехи темно-красной волной, затопившей и зелень, и золото. Свечи мигали и гасли. Ренли, пытаясь сказать что-то, захлебывался собственной кровью. Ноги подкосились под ним, и только сила Бриенны не давала ему упасть. Она запрокинула голову и издала громкий вопль, не находя слов от горя.

Тень. Произошло нечто темное, злое и недоступное пониманию Кейтилин. Эту тень отбрасывал не Ренли. Смерть

вошла в эту дверь и задула его жизнь так же быстро, как ветер задул его свечи.

Всего через пару мгновений в шатер ворвались Робар Ройс и Эммон Кью — а казалось, будто прошла половина ночи. Позади толклись латники с факелами. Увидев Ренли на руках у Бриенны, залитой кровью, сир Робар в ужасе вскрикнул, а сир Эммон в расписанном подсолнечниками панцире завопил:

— Ведьма! Прочь от него, гнусная женщина!

— Боги праведные, Бриенна, за что? — спросил сир Робар.

Бриенна подняла на них глаза. Ее радужный плащ, весь мокрый от крови, сделался красным.

— Я... я...

— Ты заплатишься за это жизнью. — Сир Эммон выхватил боевой топор с длинной рукоятью из груди оружия у двери. — Твоя жизнь за жизнь короля!

— Нет! — вскричала Кейтилин Старк, обретя наконец голос, но было уже поздно: кровавое безумие овладело ими, и они кричали громче, чем она.

Зато Бриенна проявила невиданное проворство. Ее собственный меч был далеко, поэтому она выхватила из ножен клинок Ренли и успела отразить удар топора. Сталь, стукнувшись о сталь, высекла иссиня-белую искру, и Бриенна вскочила на ноги, бросив мертвого короля. Тело упало на Эммона, и он пошатнулся, а меч Бриенны расщепил деревянную рукоять топора, выбив его из руки рыцаря. Кто-то другой швырнул факел Бриенне в спину, но промокший радужный плащ не загорелся. Бриенна, повернувшись, отсекала руку, бросившую факел. Пламя ползло по ковру, раненый громко кричал. Сир Эммон возился с мечом. Второй латник ринулся вперед, Бриенна встретила его, и их клинки зазвенели. Эммон Кью пришел на подмогу, Бриенне пришлось отступить, но она умудрялась отбиваться от них обоих. Голова лежащего Ренли беспо-

мощно откинулась набок, и на ней разверзся второй рот, медленно выбрасывая остатки крови.

Сир Робар, до сих пор медливший, тоже взялся за меч. Кейтилин схватила его за руку.

— Нет, Робар, послушайте меня. Это не она. Помогите ей! Это не она — это Станнис. — Кейтилин сама не знала, как ей пришло на ум это имя, но, произнеся его, поняла, что это правда. — Клянусь вам, вы же меня знаете: это Станнис убил его.

Молодой рыцарь уставился на нее, как на сумасшедшую, побелевшими от страха глазами.

— Станнис? Но как?

— Не знаю. Это колдовство, какая-то темная магия: здесь была тень. Тень! — Ей самой казалось, что ее голос безумен, но слова продолжали литься из нее под неутрахающий лязг клинков. — Тень с мечом, клянусь. Я видела. Слепы вы, что ли, — эта девушка любила его! Помогите ей! — Кейтилин оглянулась — солдат упал, выронив меч из ослабевших пальцев. Снаружи слышались крики — вот-вот сюда ворвется еще больше разгневанных мужчин. — Она невинна, Робар, даю тебе слово, клянусь в том могилой моего мужа и честью женщины дома Старк!

Это его убедило.

— Я удержу их. Уведите ее. — Он повернулся и вышел.

Огонь добрался до стенки шатра. Сир Эммон наступал — желтая сталь против шерстяного камзола Бриенны. Он совсем забыл о Кейтилин, а напрасно: она огрела его по затылку железной жаровней. Он был в шлеме, и удар не причинил ему особого вреда, только повалил его на колени.

— Бриенна, за мной, — скомандовала Кейтилин, и девушка послушалась незамедлительно. Взмах клинка распорол шелк палатки, и они вышли в сумрачный холод рассвета. С другой стороны шатра слышались громкие голоса. — Сюда — только медленно, иначе нас спрысят, почему мы бежим. Иди как ни в чем не бывало.